

М. В. Бабич

ЕЩЕ РАЗ О СОБСТВЕННЫХ ДОМАХ Д. ТРЕЗИНИ И ОСОБЕННОСТЯХ ЧАСТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

В исследованиях творчества и жизни Д. Трезини сюжет о его собственных петербургских домах в конце XX – начале XXI в. занял отдельное место. Особенно подробно, естественно, раскрыта история спроектированного С. ван Звитеном и сохранившегося в перестроенном виде здания по Университетской набережной, 21, перед которым архитектору в 2014 г. был поставлен памятник¹. При этом все согласны, что с данной оплаченной повелением Петра I недвижимостью семья Д. Трезини связала себя уже после его смерти в 1734 г., а сам он до последних дней жил во 2-й линии Васильевского острова, где обосновался в середине 1710-х гг.

Установлению границ и дальнейшей судьбы последнего участка, в пределах которого, словами Г. Ю. Никитенко, «мемориальную доску поставить негде»², тоже уделено немало времени и сил. В результате признания обрели факты его расположения между Средним и Малым проспектами (с обозначением № 52 по 1-й и 45 или 43 по 2-й линиям) и наличия на его территории к 1750 г. «двора... з довольно пространном каменным и деревянным зданием»³. По поводу того, что здесь было при Д. Трезини, кроме одноэтажного деревянного дома на 11 осей, и почему он так и не переселился в уже готовый, по мнению К. В. Малиновского, в 1728 г. каменный дом на набережной Невы⁴, высказываются лишь более или менее обоснованные предположения. Материалы, представленные в настоящей статье, однозначного ответа на поставленные вопросы также не дают⁵. Но они однозначно указывают на то, что в 1726–1727 гг. Д. Трезини активно строил там для себя каменный дом – по-видимому, тот самый, где в 1750 г. «жилествовал» архиепископ Московский Платон.

Речь идет прежде всего о «реестре» отпущенных тогда архитектору «разных материалов без указов», что определенно исключает как воплощение чужого проекта, «указы» по сметам на который были хорошо известны властям, так и какой-либо третий адрес, напротив, не известный глубоко изучавшим деятельность Д. Трезини ученым. Не приходится сомневаться и в достоверности упомянутого перечня, приложенного к «повинной» подканцеляриста Я. Лопакова, которую он подал в марте 1735 г. в подчиненную Сенату Комиссию «о подлогах по Городовой канцелярии». Подробности масштабного следствия о причастности персонала Канцелярии от строений (бывшей Городовой), обеспечивавшей возведение Петербурга, к хищениям, припискам подрядчикам за взятки несуществующих поставок и тому подобным злоупотреблениям – тема специального исследования. Не затрагивая ее, подчеркнем, во-первых, что утверждения

подследственных тщательно проверялись (откуда и дотошное перечисление «принимавших» отпускаемое – потенциальных свидетелей правдивости казавшегося). И, во-вторых, что с реальным внедрением в 1730-е гг. заявленных еще коллежской реформой 1718–1724 гг. норм оборота денежных средств и материальных ценностей вне закона оказались не только прямое «воровство», но и любые расходы без письменных распоряжений вышестоящих инстанций. А таких распоряжений не было ни у исполнявших устные приказы Д. Трезини о раздаче «припасов» от работ в Зимнем и Преображенском дворцах или в комплексе Двенадцати коллегий, ни у их руководителя, который все управлял «собой»⁶. Однако уполномоченные принимать решения по доказанным «непорядкам» должностные лица отчетливо различали уличенного в преступных махинациях подканцеляриста, который «показаниями на других» буквально спасал свою жизнь, и главного городского архитектора. Против него следователи – отнюдь не по причине смерти (которая сама по себе не прекращала таких разбирательств) – не выдвинули никаких обвинений. А Сенат и Кабинет министров уверенно санкционировали лишь расчеты по всем означенным Я. Лопаковым расходным статьям в целом, включая зачтенные в «казенные» выдачи в помещения Сенатской канцелярии, Канцелярии от строений и в «католицкую кирку»⁷.

Вся совокупность произведенных в Комиссии выкладок не была доведена до Сената и, соответственно, не дошла до нас, так как на самом верху после некоторых колебаний предпочли остановить взыскания по ним (которые успели коснуться семерых человек и обогатили казну почти на 150 руб.)⁸. Фрагментарно же зафиксированные в комиссиональных донесениях показатели, начиная с общей суммы раздач от имени Д. Трезини в 4503 руб. 49 коп. и издержанных из них в его пользу 2054 руб. 61 коп.⁹, дают пока немного. Сколько-нибудь сопоставимые сведения о затратах других владельцев, за исключением приведенных тут же относительно домов директора Канцелярии от строений генерал-майора У. А. Сенявина, в научном обороте отсутствуют. Методика исчисления цен на «заводские» и бывшие в употреблении материалы по изученным «бумагам» не прослеживается. А характер записей Я. Лопакова, структурированных по признаку перемещения чего-либо с объекта на объект, не позволяет даже установить, во что обошелся интересующий нас «каменный новоманерный дом». Ведь кроме него был еще «деревянный его ж, Трезина дом на Пристане», который как будто не фигурирует в других источниках. Правда, в нем едва ли можно видеть жилье, а не нечто вроде, в сегодняшней терминологии, бытовки при какой-то трудно доступной со 2-й линии стройке. Более для службы предназначался и «яхт», изготовленный вместе с аналогичным для У. А. Сенявина из пошедших на оба 225 «старых и новых» кровельных листов, 4 пудов «железа старого» и 30 трехсаженных бревен¹⁰. Зато, несомненно, для себя изымались живопись и предметы внутреннего убранства из отписанных «на Е. И. В.» еще при Петре «палат» домашнего управителя князя А. Д. Меншикова Ф. А. Соловьева, которые в 1726–1727 гг. освобождались по планам «зачатия» от них (с последующим их поглощением) Преображенского дворца. А также отсылались в пожалованную Анной Иоанновной мызу Зарецкую (в Копорском уезде) доставшиеся – неясно откуда – набор металлических инструментов, сосновые и дубовые панели, карнизы, «затворь» и даже кое-какая мебель в виде круглого стола и шести скамей¹¹.

Привычные соображения о незначительности подобных мелочей сравнительно с мало кому в петровское время доступным каменным строительством отчасти

корректируются информацией о конфискации затем каменного и деревянного домов У. А. Сенявина, в которые и было вложено полученное от ближайшего сотрудника, всего на 1091 руб. 8 коп. Она не содержит указаний, во сколько оценили «двор с деревянным строением на Городовом острове» после изъятия (с передачей церковным иерархам) в 1735 г. в счет не столько найденных Комиссией о подлогах «похищений», сколько штрафов, положенных по результатам очередной финансовой ревизии Канцелярии от строений¹². Но после этой оценки (и ее вычета из тоже не озвученного долга) «в доимке» за наследниками У. А. Сенявина к 3 декабря 1740 г. числили 412 руб. 50 коп., которые 30 декабря погасили по передаче в ведомство Коллегии иностранных дел его двухэтажного каменного дома в 1-й линии Васильевского острова (без упоминания какого-либо «остатка»)¹³.

Поскольку василеостровский дом во второй половине 1720-х гг. был на стадии завершения, касающиеся этого завершения цифры 1740 г. было бы ошибочно механически переносить на радикально обновляемый по соседству двор Д. Трезини, хотя там и действовали те же профессиональные силы и материальные средства. Но они несколько ориентируют во взаимораспределении затрат обоих домохозяев, согласно которому особняк архитектора по крайней мере своей основательностью не уступал особняку его многолетнего начальника. А тот, как наглядно показывают его выполненные в разное время планы, чертежи и описи¹⁴, в главных чертах весьма схож с хрестоматийным «леблоновским», на который тогда в большей или меньшей степени ориентировались «все»¹⁵. При свойственной творческому методу Д. Трезини приверженности раз избранному образцу резонно предполагать, что и себе он строил нечто подобное, то есть двухэтажный каменный дом на семь осей, пусть и более скромный.

Из сличения использованного каждым очевидно, например, что Д. Трезини не требовал пилястров, предусмотренных им для У. А. Сенявина¹⁶, а изразцов «разных фурм», по недавним заключениям Е. А. Андреевой о комплектах для петровского дворца в Дальних Дубках¹⁷, хватило бы на три, а не на семь печей¹⁸. Сравнение по бревнам, тесу, алебастру или впечатляющей своим разнообразием фурнитуре для окон и дверей было бы заранее некорректно, так как сенявинский каменный дом, в противоположность трезиниевскому, в «реестре» не отделен от деревянного.

К сожалению, даже в самых приблизительных прикидках нельзя исходить из довольно просто считаемого кирпича: дом У. А. Сенявина, в 1731 г. уже сданный внаем, в 1726–1727 гг. нуждался всего в 21 370 штуках, кардинально уступая встречающимся в литературе параметрам «полных» смет¹⁹. Но Д. Трезини, который тоже окончил свой новый дом не позднее всеостровного осмотра 1732 г., признавшего его двор «во всякой исправности»²⁰, кирпичей на него (в принятом сочетании белого, красного и «железного вида»), во всяком случае, истратил много меньше, чем казна на его же дом на набережной: 131 080 штук вместо 284 000 при пропорциональном расходе белил и краски – 3 пуда 18 фунтов / 3 пуда черлени плюс 2 сурика и 6 / 10 пудов (черлени)²¹. Так что его лично обустроенное во второй половине 1720-х гг. жилище, тоже каменное, «новоманерное» и красное снаружи, предстает тем не менее серьезно проигрывающим в масштабах «казенному» (два этажа с мезонином, одиннадцать осей) и принадлежащим к самым распространенным, как следует из публикации М. В. Николаевой массовых подрядных записей (с ее обширными комментариями о дворовладениях), постройкам периода,

которые по размерам (в среднем 10 на 6–8 сажень) и украшениям фасадов не соперничали с дворцами вельмож, но все же с полным правом могли считаться роскошными²².

Оставляя дальнейшие рассуждения о своего рода самострое Д. Трезини историкам Петербурга первой трети XVIII в., сделаем еще одно замечание, небезразличное для историков общего профиля. Несмотря на то, что в «реестре» есть чуть ли не все необходимое для, условно, полного цикла строительства – от фундамента до остекления, – многие составляющие явно набираются в запас. И в запас «с излишеством», о котором свидетельствуют свезенные на архитектурский двор 171,5 пары дверных петель или 62 680 и еще 4 пуда «без счета» штукатурных и кровельных гвоздей (почти в три раза больше, чем к У. А. Сенявину с его двумя домами)²³.

Это наблюдение допускает целый ряд трактовок, в том числе и в плане бытования в России еще цезарианских представлений о «запасе» (как синониме «богатства») в качестве универсальной социальной ценности, которые скоро откликнутся в много превышающих нужды действующей в 1735–1739 гг. против Турции армии сборах провианта²⁴. Или проведение более привычной аналогии с режимом запасящего развития ввиду тотального дефицита, который в 1990-е гг. объявляли непосредственным порождением советского строя, не говоря об ассоциациях с гоголевским Плюшкиным. Поле для историко-культурологических размышлений делается еще шире, если от анализируемой до сих пор заключительной части «реестра», посвященной Д. Трезини и У. А. Сенявину, обратиться ко всему его содержанию.

Напомним, что безудачное употребление подотчетных Канцелярии от строений стройматериалов попало в сферу внимания высшего звена государственного аппарата в ходе следствия о ней в особой Комиссии. И уточним, что Комиссия уведомила Сенат о «ловинной» Я. Лопакова, составлении «поданного от него реэстра... с разных черных... записных тетраток и иных памятных записок» лично осуществлявших «прием и отдачу» «разных наполных полков капралов и салдат»²⁵ и внесла их именные росписи в перебеленный ею «реестр», наименовав его на этом основании «экстрактом». Но не снабдила его вполне установившимися по исходным «тетраткам» хронологическими маркерами, которые позволили бы преодолеть определенный разрыв в ее сообщениях.

По донесению Комиссии, Я. Лопаков относил своевольство Д. Трезини к 1726–1733 гг., беря на себя его противозаконное оформление за 1726–1727 гг. и перекладывая позднейшие подделки на некоего капрала Горняковского. Вместе с тем ни одну из прописанных им раздач не удается связать с 1733 г., а некоторые, несомненно, происходили между 1727 и 1732 гг., но никак не сопрягаются с «Горняковским с товарищи». В итоге пространный и безукоризненно аккуратный «экстракт», он же «реестр»²⁶, оказывается бесполезным для гипотетического пересмотра сроков активного снабжения как «Новозачатого дворца, что на Преображенском острове» и «Старозимняго дому каменных полат, что на Адмиралтейском острове», так и «строения на Васильевском острове Аудиэнц-каморы и Сената»²⁷. Хотя удостоверяет, что первые два питали всех охваченных «реестром» «разных чинов людей, також и знатных некоторых особ», а последнее послужило У. А. Сенявину, Д. Трезини и генерал-майору князю Г. Д. Юсупову.

Причина досадной для ученых небрежности легко считывается между строк переписки Сената с Комиссией, в которой весной – осенью 1735 г. присутствовали гвардии капитан и бригадир М. С. Хруцов со статскими советниками (из подполковников и полковников) А. Ю. Бибиковым и А. Т. Ржевским. Административно опытные, они верно

предугадали, что правительство не будет преследовать «знатных», одни из которых уже умерли или «сосланы в ссылки», но другие по-прежнему влиятельны. И потому не стали загружать свою канцелярию излишними «справками» для приведения в нормативное состояние делопроизводственного акта, которому, скорее всего, не будет дано хода.

Натолкнувший Комиссию на справедливый вывод настоящий парад в «реестре» пер-вых лиц государства и сейчас – главное, что сразу бросается в глаза. Здесь достигший в царствование Екатерины I пика своего могущества светлейший князь А. Д. Меншиков и с начала века по 1727 г. сохранивший положение монаршего доверенного лица кабинет-секретарь А. В. Макаров. Петровские генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин, судостроитель Ф. М. Склаев и активнейший сотрудник коллежского строительства Г. фон Фик. Погубленный светлейшим незадолго до собственного «падения» дипломат, сенатор и глава Канцелярии тайных розыскных дел граф П. А. Толстой с его преемником на этом одиозном посту, в 1730-е гг. еще командующим гвардией и тоже бессменным сенатором графом А. И. Ушаковым. Организатор свержения А. Д. Меншикова, сам сосланный при воцарении дочери Петра аннинский политический лидер граф А. И. Остерман и тогда же отправленный в Сибирь фельдмаршал граф Б.-Х. Миних. Вождь «шляхетской партии», выступившей в 1730 г. против ограничивающих самодержавие «кондиций», князь А. М. Черкасский, затем присутствовавший в Кабинете министров, и елизаветинский кабинет-секретарь барон А. И. Черкасов. Наконец, один из идеологов финансовой политики текущего десятилетия и ведущий борец с коррупцией, с подачи которого начался в том числе процесс против Канцелярии от строений, обер-прокурор Сената А. С. Маслов.

Столь же четко вырисовывается и меншиковский «ближний круг», открываемый верными помощниками в придворной борьбе 1725–1727 гг. генерал-майорами и майорами гвардии И. И. Дмитриевым-Мамоновым с Г. Д. Юсуповым и заключаемый флигель-адъютантом А. Жеребцовым с личным «полатных дел мастером» Готфридом. Сюда же органично вписывается верхушка гарнизона столицы в лице генерал-майоров Ю. (Е.) И. Фаминцына и князя Г. А. Урусова и ее (столицы) в тесном значении слова строителей. А с допустимой натяжкой – «агент» светлейшего в Адмиралтейств-коллегии адмирал М. Х. Змаевич с неизвестными армейскими и флотскими офицерами, докторами и «иноземцами» без профессиональной или служебной привязки. Следуя той же логике, нетрудно очертить группу собственно придворных чинов во главе с выходцем из преобразенцев гофмаршалом Д. А. Шепелевым. И выстраивающийся за А. В. Макаровым контингент его младших коллег по канцелярии Кабинета Е. И. В. и родственным ей канцеляриям Соляной конторы и Коллегии иностранных дел, а за У. А. Сенявиным – штатных и внештатных служащих Канцелярии от строений.

Проблема в том, что такие конструкции, при теперешнем увлечении «патрон-клиентскими» схемами почти обязательные, никак не обогащают уже имеющихся знаний об отдельных представителях элиты, их судьбах и политически значимых «поступках», которые зависели более от носителей верховной власти, чем от родственно-служебно-личных связей. Так или иначе, для городских домовладельцев, идентифицированных «реестром» как пользователи дворцового имущества, гораздо адекватнее традиционное понятие «близких ко двору», которым уже поэтому что-то кое-когда полагалось «с сударева плеча». И как раз с этой точки зрения интересных, поскольку качественно – на 40 с лишним единиц – увеличивают до сих пор известный перечень пожалований

именно на петербургские дома. Пока укоренившийся еще в XIX в. тезис о бесплатном обеспечении ими переселенцев высших рангов (наряду с беднейшими) подкреплялся несколькими выдающимися именами вроде Я. В. Брюса или П. И. Ягужинского, и во вновь собранных фактах было не разглядеть едва проступающего преобладания над целиком выросшими из разобранных укреплений Ниеншпанца и позднейшими «наградными» домами точечных дарений в виде не хватающих на фундамент «припасов» или партии «плиток галанских»²⁸. «Реестр» же благополучателей, из которых «дома» числятся только за Д. Трезини и У. А. Сенявиным, утверждает такое преобладание со всей определенностью.

Недостаточность для самого скромного сооружения 1500 кирпичей, 6 пудов алебастра, 2 пудов полосного железа и 55 «обрасцов печных разных фурм», полученных полжизни пробывшим при столичных «строениях» капитаном Л. И. Пустошкиным, или выделенных «петергофскому мызнику» К. Монсу кубической сажени дикого камня с десятью тележками «с колесами и веретенами железными»²⁹ доказательств, пожалуй, не требует. Но и комплексные, на поверхностный взгляд, даяния известковой плиты, бревен, досок и тому подобного не дотягивали до минимального даже «на деревянное строение» объема ни по номенклатуре, ни по цене. Неудивительно, что из 47 «дворов», удостоившихся поставок «от дворцов», меньше половины, по данным М. В. Николаевой об упорно осваиваемых в 1720-е гг. районах, как-то обнаружили свое существование в следующие 10 лет, а пригодные для жилья помещения уцелели лишь на некоторых (Ф. М. Апраксина, генерал-майора К. И. Гохмута, А. В. Макарова, А. С. Маслова, Б.-Х. Миниха, У. А. Сенявина, Г. Г. Скорнякова-Писарева, Г. Фика, П. А. Толстого, Д. Трезини, «каменного полатных дел мастера» Дж. (О.) Трезини, обер-коменданта Ю. И. Фаминцына и А. М. Черкасского)³⁰.

При этом ясно, что солидные даровые вложения 1726–1727 гг. в два из них – П. А. Толстого и А. М. Черкасского – составили крайне незначительную долю во вложениях, ранее сделанных их хозяевами путем внушительных и весьма дорогих подрядов. Еще показательнее хроника владения, на момент следствия «о поделках» принадлежавшего высокопоставленному чиновнику, придворному и дипломату барону Г.-К. Кейзерлингу. Сюда Г. Г. Скорняков-Писарев до своего осуждения весной 1727 г. успел взять у Д. Трезини 1000 гвоздей, 15 ушатов, 300 шаек, 4 топора и 20 железных лопаток, а располагавший им с того времени до собственного осуждения летом 1732 г. Г. Фик – 2 кубических сажени плитного камня, 8 трех- и шестисаженных бревен с 62 «плитками» «из соловьевских пожитков». С оценкой обоими (правда, в порядке отстаивания приоритетности своих прав перед другими претендентами) собственных издержек на этот двор в 5 и 3 тыс. руб.³¹

Впрочем, и выданные барону П. П. Шафирову именем Петра в 1722 г. 202 000 штук кирпича не избавили его от параллельных выплат в 3,5 тыс. руб. на ремонт его огромного дома на Городовом острове, вероятно не сразу возвращенного вернувшемуся из ссылки владельцу³², который в описываемой акции не участвовал. Но не участвовали в ней и другие пребывавшие в Петербурге вельможи, в частности, граф Г. И. Головкин, князь Д. М. Голицын, князь И. Ю. Трубецкой, для объяснения чего версия редкости каких-либо наградений всех сразу кажется не хуже других. Куда большее недоумение вызывает сперва, так сказать, передача компетенции оказания царских милостей от членов

августейшей фамилии Д. Трезини – пусть и высоко ценимому его, но все же только архитектору. Однако для современников в этом не было ничего экстраординарного.

Биографы Д. Трезини не проходят мимо грозных «спросов» в 1727–1729 гг. о расходах Канцелярии от строений при его участии, понимаемых обычно как напрасные нападки, оставляя в тени то обстоятельство, что центральной мишенью вчерашних сопричастующих А. Д. Меншикова по Верховному тайному совету были *его* «вины» в расхищении национального достояния, документального подтверждения которых ожидали найти в «ведомостях», «инструкциях» и «письмах», запрашиваемых у руководства Канцелярии. Попытки и с того взыскать что-то за отправку «в дом его разных материалов»³³ в конце концов прекратились, закрепив-таки «письменно» восприятие непреложности *его* «верховного» распоряжения строительными ресурсами как само собой разумеющегося еще с середины 1710-х гг.

В отличие от «победителей» А. Д. Меншикова, а прежде них – Петра (не потому ли почти не «указывавшего» о чьих-нибудь плитках?), исследователи не торопились признавать за князем исключительной роли в организации создания важнейших столичных объектов. Но поскольку такое признание состоялось³⁴, остается лишь осознать естественность разделения им «верховных» полномочий в этой области с Д. Трезини, глубина сотрудничества с которым, в свою очередь, делала лишним и его вмешательство в привычные выдачи доски ли, сажени глины или дверной «подставы», заказ и употребление которых все равно официально замыкались на «смотрящем» данную стройку архитекторе.

Грандиозность совершенной в считанные месяцы реконструкции Зимнего дворца образца 1726 г. и успешно – вплоть до переезда двора в 1728 г. в Москву – осуществлявшегося проекта дворца Преображенского, первостепенность положения при них Д. Трезини и даже беспрецедентно пристальное внимание к ним А. Д. Меншикова не оспариваются никем. Доказать же на их единственном примере, что нечаянно отраженный в пресловутом «реестре» процесс был проявлением социальной практики, характерной для Петербурга от момента закладки, чрезвычайно сложно. Уже потому, что даже для элементарного описания переноса в условиях всеобъемлющей, но в первую очередь дворцовой стройки извечного обычая приходится прибегать к популярной «потешке»: «Сорока-ворона кашу варила, деток кормила, этому дала, этому дала... а этому не дала», где действующие лица наизусть исполняют генетически унаследованные партии. Волей-неволей старающиеся об отведенном кому под каменное, кому под деревянное строение участке, «кашеварят» на них своими силами, но знают, что те, кому положено «кашеварить» на участках государевых, и им должны толику заготовленной там каши.

Знают об этом и государевы повара – не слишком щедрые, если соотнести «безуказные» расходы Д. Трезини в примерно 4 тыс. руб. за восемь лет с ежемесячными в 1727 г. 16 тыс. на «строельные дела»³⁵. И не балующие «разносолами», на звание которых могут претендовать разве четыре медных замка М. Х. Змаевича, «якорь двоерогой железной» А. И. Остермана и «кровельных железных листов 100 весом 10 пуд 26 фунтов» П. А. Толстого³⁶. Но зато в камне, дереве, гвоздях «разных рую», извести, песке и простейшем инструменте отказывающие мало кому. И, наконец, распределяющие всю эту «кашу» не пропорционально фавору, чинам или «старшинству», как до и после происходило с драгоценными, денежными, вещевыми и иными неформальными подарками, а чуть ли не «по потребностям».

Так, А. Д. Меншиков, взяв «в дом... подле церкви Исаакия Долмацкого алебастру казанского 100 пуд», больше ничего на этот раз не присвоил. А А. В. Макаров к тем же 100 пудам «алебастру серого дубковского» присоединил кубическую сажень плитного камня, 3 тыс. кирпичей, 50 бочек серой извести и 10 «лопатов железных земельных». Б.-Х. Миних (генерал-лейтенант и потом генерал-аншеф) к 35 таким же бочкам и 4 тыс. кирпичей добавил 55 трехсаженных пильных досок, 2 пуда 25 фунтов четырехгранного и полосного железа, 2 ящика «стекло резаных... щетом 1000» и 16 изразцов. Но больше всех извести – 120 бочек – перепало кухмистру Ю. Андрееву, а трехсаженных бревен – 212 – штаб-лекарю Янговию (причем первому только известь, а второму в дополнение к бревнам еще бочка извести, полсажени дикого камня, 300 кирпичей и 30 «решетин пильных»)³⁷.

В пользу того, что достаточно жесткая и одновременно гибкая связь между государственным и частным домостроительством существовала в Петербурге ранее конца 1720-х гг. и не вдруг исчезла с наступлением строгих 1730-х гг., говорит и открытость, с которой перечисленное развозили по разным адресам десятки мастеровых людей и солдат. Не попадая, помимо прочего, в тут же подхватываемые иностранными дипломатами придворные толки. И заставляя переживать только низших служащих Канцелярии от строений, для которых исполнение приказаний начальства «по обычаю» было так же обязательно, как его же приказаний соблюдать должностные инструкции «по закону».

И разве не ту же, еще сильнее демократизировавшуюся, схему применили, по ратифицированному до детских книжек рассказу А. Т. Болотова, при очистке от строительного мусора площади возле Растреллиевского Зимнего дворца, разрешив через полицию всякому брать, кто что пожелает? Тогда как в социологическом эссе рубежа XX–XXI вв. проглядывают знакомые по XVIII в. контуры специфической «социальной мешанины», в которой авторы прослеживают то пробивающееся «историческое требование Петербурга» приводить в соответствие «социальный статус... с социальными обязательствами», то зависть и презрение друг к другу озабоченных одними и теми же социальными благами представителей всех общественных слоев и культурных традиций, обитавших на разных этажах доходных домов с конца XIX в. и сошедшихся в коммунальных квартирах XX в.³⁸

Заключим же соображения об особенностях городской среды Петербурга второй половины 1720-х гг., запечатленных в «реестре» Я. Лопакова, публикацией его фрагмента, посвященного одному из эпизодов жизни Д. Трезини³⁹:

В отпуску от новозачатаго дворца, что на Преображенском острове, разных материалов без указов полковнику и архитектору Трезину на строение ево каменного новоманерного и другаго, деревянного домов.

Гвоздей штукатурных 35 730, да написано весом, которым счету не показано 4 пуда, / таких же штукатурных гвоздей двоетесу 7580, / троетесу 12 150, / однетесу 2500, / четырех дуйм 2540, / пяти дуймов 100, / девяти дуймов 20, / подбойных 200, / кровельных 1860, / всего разных гвоздей / счетом 62 680, / да весом, которым счету не показано, 4 пуда 3 фунта.

Щетин 10 фунтов.

Тесу пилного / длиною трех сажен, толщиною в 1 дуйм 863, / длиною трех сажен, толщиною в 2 дуйма 572, / длиною 4-х сажен, толщиною в $2\frac{1}{2}$ дуйма 225, / разных мер 105, / длиною 4-х сажен, толщиною в $1\frac{1}{2}$ дуйма 145, / длиною трех сажен, толщиною в $1\frac{1}{2}$ дуйма 1290, / длиною в полторы сажени, толщиною в $1\frac{1}{2}$ дуйма 40, / длиною 2 сажени, толщиною в $1\frac{1}{2}$ дуйма 70, / в два дуйма 33, / всего разных мер пилного тесу 3343.

Топоров 18.

Мелу 9 пуд 32 фунта.

Железа старого и нового прутowego и полосного 146 пуд.

Сит 3.

Решет 3.

Стали немецкой 11 пуд 31 фунт⁴⁰.

Баранов железных печных 6, / затворов печных железных 8, / рам печных железных 11.

Ушатов новых 49.

Извести серой 285 бочек.

Бревен длиною 3-х, 5-ти, 6-ти сажен, толщиною 4-х, 5-ти, 6-ти вершков 235.

Песку белого мелкого $2\frac{1}{4}$ сажен, / крупного кубических 2 сажени $\frac{1}{4}$, / крупного ж 8 шхерботов.

Красок черлени 3 пуда, / сурику 2 пуда.

Скипидару 3 фунта.

Обрасцов печных разных фурм 669.

Алебастру серого дубковского 104 пуда, / рижского 240 пуд.

Железных кровельных листов 243.

Петел дверных 171 пара $\frac{1}{2}$, / подстав дверных железных 1 пара 7 подстав, / петел дверных железных и с подставами 11 пар, / окошечных петел 35 пар.

Шаек 33.

Лопаток железных 86.

Железных ломов 9.

Кирпича 118 230, / красного 8850, / белого 1000, / железного 3000, / всего кирпича 131 080.

Белил немецких 3 пуда, / белил, а каких не показано, 18 фунтов, / всего белил 3 пуда 18 фунтов.

Замков дверных медных аглинских 5.

Проволоки железной 1 пуд 37 фунтов.

Замков висячих железных сличных и с ключами 3.

Тесу топорного досок 580.

Дубковских дубовых 2 доски.

Масла посного 37 пуд 36 фунтов.

Канатов разных 4 спуска.

Причалку 6 связок.

Барочных досок длиною от $1\frac{1}{2}$ до 6 сажен 150.

Кокор 40.

Плитного камня кубических 10 сажен с $\frac{1}{8}$, / ревелской плиты кубической $\frac{1}{2}$ сажени.

Кирок железных 7.

Стекол ямбургских резаных 5 ящичков, / ямбургских же резаных и футовых 89 стекло, / стекло же малой руки резаных по мере 264.

Крючков железных печных 150.

Глины кубических 5 сажен $\frac{7}{8}$ ведр 8.

Пилных брусков длиною 3-х сажен, толщиною в $2\frac{1}{2}$ дуйма 20.

Задвижек железных 2.

Уголья 29 четвертей.

Кулаков железных 2.

Котел большой железной 1.

Коровьих красных войлоков 2.

В пожалованную ево мызу

наковалня железная 1, / мехов 1 пара, / молот большой 1, / ручной 1, / кочерга 1, /

зубрило 1, / бородок 1, / клещи 2.

Карнизовых дубовых разных мер от разных дубовых штук, которые в деле были, 40, / затворов сосновых 40, / панелей дубовых 24.

Болтиков малинких железных к дверным петлям 56.

Стол дубовой круглой 1, / скамей круглых сосновых 6.

От строения Старозимняго дому каменных полат, что на Адмиралтейском острову, ему ж, Трезину.

Замков медных 2.

Бревен длиною 7 сажен 4, / 8 сажен 5.

Железных кровельных обресков 800.

Гвоздя 5 дуймовых 1000, / 4-х дуймовых 1000, / подбойных 1 пуд.

Ему ж, Трезину из соловьевских пожитков.

Свинцовых гирь 19, / в них весу 3 пуда 17 фунтов.

Плиток 460.

Картин – Распятие 1, / Воскресение Господне 1, / Образ Богородичей во имя Марии Могдалины 1, / четыре картины с морями.

Зерcolo настольное под красным лаком 1.

Цветников 2, / один белой живописной, / другой осиновою краски.

От строения на Василевском острове Аудиэнц каморы и Сената к деревянному ево ж, Трезина, дому на Пристане.

Бревен 46.

Смолаы житкой 1 бочка весом 9 пуд.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 803 об. – 809

¹ *Лисавич И. И.*: 1) Доменико Трезини // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в. СПб., 1997. С. 47–48, 63–64; 2) Первый архитектор Санкт-Петербурга. СПб., 2017. С. 247; *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Василеостровский район : энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 430; *Овсянников Ю. Н.* Великие зодчие Санкт-Петербурга : Трезини. Расстрелли. Росси. 2-е изд. СПб., [2000]. С. 169; *Малиновский К. В.* Доминико Трезини. СПб., 2007. С. 129–131.

² *Никитенко Г.* Два адреса на Василевском острове: здесь жили архитекторы Доменико и Джузеппе Трезини // Диалог. Л., 1990. № 33. С. 24.

³ Цит. по: *Малиновский К. В.* Доминико Трезини. С. 129.

⁴ Там же. С. 128–129.

⁵ И, возможно, по этой причине не использовались, будучи известны К. В. Малиновскому, судя по его подписи в учетном листе рассматриваемого ниже архивного дела.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 790.

⁷ Ее обозначение в разных сенатских документах не вполне точно, что заставляет сомневаться, имелась ли в виду – более вероятно – та, что «позади Миллионной близ Главной аптеки» (*Ханковска Р.* Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 27), которая в 1720–1730-е гг. могла именоваться Итальянской, или «Италианская кирка ж» – другой католический храм, о существовании которого прежде просто не знали: РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 800–800 об., 970.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 969. Откуда, думается, и прошение в 1736 г. наследникам

Д. Трезини казенных долгов, о котором глухо писал К. В. Малиновский («Доминико Трезини», с. 131).

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 970.

¹⁰ Там же. Л. 812 об.

¹¹ Там же. Л. 807–808 об.

¹² Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / собр. и изд. под ред. А. Н. Филишова. Юрьев, 1901. (Сб. РИО ; т. 111). С. 312, 317–318.

¹³ Журналы и определения Правительствующего Сената [за 1740 г.] // Сенатский архив. СПб., 1889. С. 242, 309.

¹⁴ *Петров А. Н.* Петербургский жилой дом 30–40-х годов XVIII столетия // Ежегодник Института истории искусств, 1960 г. : архитектура и живопись. М., 1961. С. 139–141; *Агеева О. Г.* История домов У. Сенявина и А. Волкова (до их передачи Сухопутному шляхетному корпусу // ТГЭ. [Г.] 47 : Петровское время в лицах – 2009 : к 300-летию Полтавской победы (1709–2009) : материалы науч. конф. СПб., 2009. С. 5–11.

¹⁵ *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2006. Ч. 2. С. 76–80.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 811 об.

¹⁷ *Андреева Е. А.* Изразцовые печи петровского Петербурга // ТГЭ. [Г.] 101 : Петровское время в лицах – 2019 : материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 37.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 805, 810 об.

¹⁹ См., напр.: *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I : история дворовладений : застройка и застройщики. М., 2013. С. 374, 475, 603–604.

- ²⁰ Там же. С. 297.
- ²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 805–805 об.; *Овсянников Ю. Н.* Великие зодчие Санкт-Петербурга. С. 169; *Малиновский К. В.* Доминико Трезини. С. 130.
- ²² *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. С. 107, 134, 141, 176, 190 и др.
- ²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 803–803 об., 805, 810 об.
- ²⁴ *Фирсова А. В.* Традиционный труд и богатство в системе ценностей древних римлян (I век до н. э. – III век н. э.): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2016. С. 30; *Бабич М. В.* Вокруг Комиссариата: государственный аппарат и провиантское обеспечение российской армии в 1730-е гг. // *Война и оружие – 2017.* СПб., 2017. С. 163–166.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 790–790 об.
- ²⁶ Там же. Л. 791–813 об. Наименование этого документа выше и далее «реестром» (вопреки самоназванию) обусловлено его происхождением от «реестра» Я. Лопакова при отступлении составителей «экстракта» от присущих такому виду делопроизводственных актов норм.
- ²⁷ Одновременное использование официального обозначения в 1727–1732 гг. Васильевского острова как Преображенского и оставшегося в обиходе прежнего, по возвращении двора в столицу восстановленного, присущие всей документации периода.
- ²⁸ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях, 1703–1782. СПб., 1885. С. 184; *Петров А. Н.* Петербургский жилой дом ... С. 134; *Овсянников Ю. Н.* Великие зодчие Санкт-Петербурга. С. 168–169; *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 68–69, 92–94, 97, 157; *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. С. 37.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 795, 799.
- ³⁰ *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. С. 101–102, 133–135, 143–144, 160–162, 255, 283, 306, 313, 341, 589.
- ³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 792 об. – 793; *Ларина Я. П.* Двор на набережной: политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII века // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2015. № 1 (136). С. 104–105, 107–108.
- ³² *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. С. 69; *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. С. 637.
- ³³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 4. С. 813–814. (Сб. РИО; т. 69).
- ³⁴ *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Александр Меншиков – строитель России. С. 57–61, 148–151 и др.
- ³⁵ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. С. 331.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 792. Л. 792, 794, 798.
- ³⁷ Там же. Л. 791 об., 797–798, 800.
- ³⁸ *Андреева М., Антонова А., Дмитриева О.* Рассказы о трех искусствах. М., 1966. С. 75–76; *Губин А., Аурье А., Порошин П.* Реальный Петербург: о городе с точки зрения недвижимости и о недвижимости с точки зрения истории. СПб., 1999. С. 8–10 и др.
- ³⁹ Публикация осуществляется в соответствии с принципами «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), без сохранения всей полноты присущего «реестру» графического оформления с отчеркиванием полей и вынесением каждого вида стройматериалов, поступающих из одного источника («дворца... на Преображенском острове» и т. д.), в отдельную запись. Взамен в тексте выделены предложения по признаку однородности перечисляемого (гвоздей, досок и т. п.) с выравниванием, как и в подлиннике, по левому краю без отступов и отметками исключенных абзацев косой чертой.
- ⁴⁰ Против записи о стали на полях за фигурной скобкой вписано: «В реэстр написано, брал он Трезин сам себе и ис того еще и другим иноземцом мостеровым людем отдавал часовому мастеру Форзану и мелнишного дела мастеру Гирш Бергеру».